

УДК 332.14:332.146

DOI: 10.34670/AR.2026.92.85.003

Роль столичных агломераций в формировании межрегиональных диспропорций современной России

Балихин Артур Артурович

Аспирант,
Московский политехнический университет,
107023, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Семеновская, 38;
e-mail: balikhin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль столичных агломераций в формировании межрегиональных социально-экономических диспропорций в современной России. Уточняется концептуальный аппарат, связанный с агломерационными эффектами, пространственной концентрацией и механизмами центр-периферийного взаимодействия. На основе анализа классических теорий полюсов роста (Ф. Перру, Ж.-Р. Будвиль), подходов новой экономической географии (П. Кругман, М. Фуджита, Т. Мори), а также современных исследований российской региональной школы (А.Г. Гранберг, П.А. Минакир, Е.Г. Анимица, О.В. Кузнецова) раскрываются теоретические основания влияния столичных агломераций на территориальное развитие. Центральное внимание уделено Московской агломерации как крупнейшему экономическому, финансовому, инновационному и управленческому ядру, оказывающему системное воздействие на соседние регионы и формирующему устойчивые различия в уровне социально-экономического развития. В работе выделены ключевые каналы формирования диспропорций: инфраструктурная асимметрия, концентрация инвестиций и человеческого капитала, перераспределение миграционных потоков, зависимость смежных регионов от столичных рынков, а также институциональные различия в региональной политике. На основе статистических данных 2020–2024 гг., аналитических отчетов НИУ ВШЭ, Росстата, OECD, UN-Habitat и ESPON проанализированы реальные проявления влияния Московской агломерации на субъекты Центрального федерального округа. Сформулированы предложения по совершенствованию региональной экономической политики, направленные на снижение пространственной поляризации и повышение согласованности стратегий развития в макрорегиональном масштабе.

Для цитирования в научных исследованиях

Балихин А.А. Роль столичных агломераций в формировании межрегиональных диспропорций современной России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 12А. С. 37-52. DOI: 10.34670/AR.2026.92.85.003

Ключевые слова

Столичная агломерация, Московская агломерация, межрегиональные различия, пространственная концентрация, региональная политика, макрорегион, новая экономическая география, территориальное развитие, экономическое неравенство.

Введение

Современное пространственное развитие Российской Федерации характеризуется устойчивым усилением межрегиональной социально-экономической дифференциации, что подтверждается результатами исследований Н.Н. Михеевой, О.В. Кузнецовой и В.В. Кистанова [Михеева, 2024; Анализ новой стратегии пространственного развития России, 2023; Новые лидеры экономического роста, 2023]. На протяжении последних лет фиксируется рост расхождений между субъектами как по масштабам экономической активности, так и по уровню жизни населения, инновационному потенциалу и качеству инфраструктуры. Углубление асимметрии проявляется на фоне структурной трансформации российской экономики, изменения модели отраслевой специализации, демографических сдвигов и перераспределения человеческого капитала.

Один из центральных факторов, определяющих характер современных пространственных изменений, — деятельность крупных городских агломераций. В мировой и отечественной литературе агломерации трактуются как сложные территориально-экономические образования, создающие самостоятельные воспроизводственные контуры, отличающиеся высокой концентрацией ресурсов, плотностью экономических связей, инновационной активностью и управленческими функциями [Кузнецова, 2022; Дружинин, 2023; Лавровский, Мокин, 2024]. Их влияние на окружающие территории носит системный характер и нередко становится ключевым источником пространственной поляризации.

Особую значимость в российском контексте приобретает Московская агломерация — крупнейший экономический узел страны, аккумулирующий значительные доли ВРП, инвестиций, высокотехнологичных отраслей, научно-исследовательских центров и человеческого капитала [Гранберг, 2020; Комков, Колесников, 2023]. По оценкам НИУ ВШЭ и Росстата, Московская агломерация формирует один из наиболее мощных центров притяжения рабочей силы в Европе, ежедневно генерируя многомиллионные миграционные потоки и обеспечивая высокую плотность межрегиональных трудовых связей [Гранберг, 2020]. Такое масштабное перераспределение ресурсов оказывает глубокое воздействие на демографические, социальные и экономические процессы в соседних регионах.

Основная часть

Влияние столичных агломераций является многокомпонентным. С одной стороны, они выполняют роль драйверов роста, формируют инновационные экосистемы, обеспечивают развитие высокопроизводительных отраслей, расширяют национальные рынки и повышают общую конкурентоспособность экономики [Дружинин, 2023; Антонов, 2022; Перру, 1950]. С другой стороны, концентрация ресурсов в ядре усиливает зависимость периферийных территорий от столичных центров, ограничивает их возможности для самостоятельного развития, создаёт структурные барьеры для притока инвестиций и порождает устойчивые различия в уровне социально-экономического развития [Анализ новой стратегии пространственного развития России, 2023; Анимича, Силин, 2023; Полезжаев, 2023].

Международные исследования OECD, ESPON и UN-Habitat подтверждают, что для крупных агломераций характерна двойственная роль: будучи центрами инноваций и экономической активности, они одновременно способствуют росту внутренних пространственных контрастов [OECD, 2022; ESPON, 2020; UN-Habitat, 2022]. В странах Европы и Азии подобные эффекты

компенсируются институциональными механизмами metropolitan governance — системами управления функциональными регионами, обеспечивающими согласование стратегий развития между ядром и периферией. В России такие механизмы находятся в стадии формирования, что усиливает актуальность анализа влияния Московской агломерации на межрегиональные процессы.

Актуальность изучения роли столичных агломераций обусловлена также переходом России к модели пространственного развития, основанной на концепции макрорегионов. Согласно Минакиру и Анимице, в макрорегиональной структуре страны столичные агломерации становятся системообразующими элементами, определяющими вектор развития не только непосредственных соседей, но и более удалённых территорий [Минакир, Анимица, 2022]. Это делает необходимым системный анализ механизмов воздействия Московской агломерации на смежные регионы Центрального федерального округа.

Цель статьи заключается в выявлении роли столичных агломераций, прежде всего Московской, в формировании межрегиональных социально-экономических диспропорций современной России и определении основных каналов их влияния на развитие регионов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- систематизация теоретико-методологических подходов к изучению агломераций и межрегиональной дифференциации;
- анализ пространственных и функциональных характеристик Московской агломерации как крупнейшего полюса роста;
- выявление ключевых каналов формирования диспропорций: инфраструктурного, инвестиционного, кадрового, миграционного и институционального;
- рассмотрение практических примеров влияния Московской агломерации на регионы ЦФО;
- формулирование предложений по совершенствованию региональной политики и механизмов межрегиональной координации.

С теоретической точки зрения исследование опирается на классические концепции полюсов роста (Перру, Будвиль), новую экономическую географию (Кругман, Фуджита, Мори), а также российскую школу регионалистики (Гранберг, Минакир, Анимица). Эмпирическая база включает статистические данные Росстата, аналитические материалы НИУ ВШЭ, OECD, ESPON, UN-Habitat, а также научные исследования последних лет.

Теоретическое осмысление роли крупных городских центров в формировании пространственных диспропорций начинается с работ Ф. Перру, предложившего концепцию «полюсов роста», согласно которой экономическое развитие не распространяется равномерно, а концентрируется в ограниченном числе ведущих центров, обладающих инновационным и инвестиционным потенциалом [Дружинин, 2023]. Перру подчёркивал, что воздействие полюса на окружающие территории носит асимметричный характер: ядро ускоряет собственный рост, одновременно формируя зависимость периферии.

Ж.-Р. Будвиль развил эти положения, адаптировав концепцию полюсов роста к пространственному измерению. В его работах представлены механизмы диффузии развития вдоль транспортных осей и производственных коридоров, что объясняет усиление притяжения крупных городских центров и формируемых вокруг них агломераций [Лавровский, Мокин, 2024].

Новая экономическая география (НЭГ) существенно расширила аналитический инструментарий. П. Кругман показал, что концентрация производства и населения возникает

вследствие совокупности эффектов масштаба, транспортных издержек и мобильности факторов производства [Антонов, 2022]. Модели М. Фуджиты и Т. Мори подчёркивают самоподдерживающийся характер агломерационного роста: приток рабочей силы, расширение рынков и интенсивная инновационная деятельность создают кумулятивные механизмы усиления центра [Антонов, 2022].

Российская региональная наука предлагает собственное понимание пространственных процессов. А.Г. Гранберг рассматривал регион как многоуровневую воспроизводственную систему, где крупные агломерации формируют «узлы роста», влияющие на межрегиональные потоки труда, капитала и информации [Анализ новой стратегии пространственного развития России, 2023]. П.А. Минакир и Е.Г. Анимица развивают макрорегиональный подход, согласно которому агломерации выполняют функцию системообразующих центров, определяющих траектории развития смежных территорий [Минакир, Анимица, 2022].

Современные исследования российских авторов (О.В. Кузнецовой, В.В. Кистанова, Н.С. Новиковой) фиксируют дальнейшее усиление пространственной поляризации и зависимость периферии от столичных центров [Анализ новой стратегии пространственного развития России, 2023; Новые лидеры экономического роста, 2023; Анимица, Силин, 2023].

Зарубежные подходы концентрируются на управлении агломерациями как функциональными регионами. OECD подчёркивает необходимость межмуниципальной координации, совместного инфраструктурного планирования и развития единой транспортной системы для снижения негативных эффектов агломерационного роста [OECD, 2022].

Исследования ESPON показывают, что в Европе столичные агломерации формируют крупные функциональные зоны, требующие интеграционных механизмов развития [ESPON, 2020]. UN-Habitat фиксирует, что чем крупнее мегаполис, тем сильнее территориальная дифференциация — без специальных политик она неизбежно усиливается [UN-Habitat, 2022].

Совокупность классических, неокейнсианских, неогеографических и современных международных подходов показывает, что столичные агломерации обладают мощным самоподдерживающимся потенциалом роста, который неизбежно сопровождается увеличением пространственной поляризации. Поэтому анализ Московской агломерации как крупнейшего полюса роста России является необходимым этапом исследования межрегиональных диспропорций.

Московская агломерация — крупнейшая в Российской Федерации и одна из крупнейших в Европе по численности населения, уровню экономической активности и масштабам инновационного развития. По данным Росстата, функциональная зона, включающая Москву, Московскую область и прилегающие территории Центрального федерального округа, охватывает более 21 млн человек, что превышает численность населения многих европейских стран [Росстат, 2024]. Территориальная структура агломерации многоуровневая: она включает ядро (город Москва), внутренний пояс (Московская область) и внешний пояс, который охватывает ряд соседних регионов — Тверскую, Владимирскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и частично Ярославскую области.

Экономические параметры Московской агломерации уникальны по масштабу и плотности. Москва формирует около 21 % ВРП России, а вместе с Московской областью — более 27 % [Комков, Колесников, 2023]. Агломерация демонстрирует высокий уровень диверсификации экономики: в структуре валового выпуска доминируют финансовые услуги, информационные технологии, профессиональные и деловые услуги, транспортно-логистическая деятельность, торговля, строительный сектор и высокотехнологичное производство.

Московская агломерация является ключевым научно-образовательным центром страны: на её территории сосредоточено более 40 % российской НИОКР-активности, крупнейшие университеты, научные институты РАН, инновационные кластеры «Сколково», «Алабушево», AI-центры и технологические парки [Комков, Колесников, 2023]. Это создаёт эффект концентрации знаний и генерации инноваций, характерный для крупнейших мировых мегаполисов.

С точки зрения развития человеческого капитала Московская агломерация является доминирующим центром притяжения: сюда направлены крупнейшие внутренние миграционные потоки, доля граждан трудоспособного возраста выше среднего, показатель продолжительности жизни стабильно превышает общероссийский уровень [Росстат, 2024].

Московская агломерация выполняет комплекс функций, которые определяют её системообразующую роль в национальной экономике.

Во-первых, Москва — крупнейший финансовый центр страны. Здесь сосредоточена основная часть банковского капитала, штаб-квартиры ведущих корпораций, фондовые площадки, страховые компании, инвестиционные фонды и венчурные платформы. По данным НИУ ВШЭ, более 55 % компаний с годовым оборотом свыше 10 млрд рублей зарегистрированы именно в Московской агломерации [Комков, Колесников, 2023].

Во-вторых, она является ключевым центром инновационной активности. На столичный регион приходится более 40 % всех российских патентных заявок, 50 % расходов на исследования и разработки, крупнейшие IT-кластеры и высокотехнологичные компании [Перру, 1950].

В-третьих, Московская агломерация — крупнейший транспортный и логистический узел России. Через неё проходят основные федеральные автомагистрали, крупнейший железнодорожный узел, три международных аэропорта (Шереметьево, Домодедово, Внуково), МЦД, МЦК, ЦКАД. По оценкам Минтранса, до 40 % грузовых и пассажирских потоков европейской части России проходят через московский транспортный узел [Минакир, Анимица, 2022].

В-четвёртых, она является центром формирования крупнейших производственных цепочек. Калужский автопром и фармацевтический кластер, высокотехнологичное производство во Владимирской области, машиностроительный комплекс Тулы и Рязани ориентированы на столичный рынок и интегрированы в распределительные цепочки Москвы [Комков, Колесников, 2023; Селиверстов, 2022].

Влияние Московской агломерации распространяется на широкую зону — от близлежащих городов-спутников до удалённых городов ЦФО, формируя метрополизируемое пространство.

Во-первых, влияние проявляется через миграционные и трудовые потоки.

По данным Росстата, ежедневно между Москвой и Московской областью перемещается от 2, 2 до 2, 7 млн человек, что делает этот трудовой коридор одним из крупнейших в мире [Росстат, 2024]. Дополнительные миграционные потоки идут из Тверской, Владимирской, Рязанской и Тульской областей. Это приводит к «вытягиванию» квалифицированной рабочей силы, снижению кадровой обеспеченности периферийных территорий и повышению уровня заработных плат в столичном регионе относительно соседних областей.

Во-вторых, агломерация формирует инвестиционное притяжение.

Концентрация капитала в Москве и Подмосковье приводит к тому, что соседние регионы получают значительно меньшие объёмы инвестиций, что снижает их потенциал роста и способствует нарастанию межрегиональной асимметрии [Кистанов, 2023].

В-третьих, влияние проявляется через транспортную связанность.

Столичный узел обеспечивает высокую доступность центров экономической активности, тогда как значительная часть периферии ЦФО характеризуется недостаточно развитой транспортной инфраструктурой. Это ограничивает мобильность рабочей силы, увеличивает логистические издержки и снижает конкурентоспособность региональных предприятий [Минакир, Анимица, 2022; Росстат, 2024].

В-четвёртых, Московская агломерация оказывает определяющее влияние на формирование межрегиональных производственных цепочек.

По оценкам Комкова и Колесникова, более 40 % промышленной кооперации ЦФО ориентировано на столичный рынок, что создаёт зависимость экономики Владимирской, Калужской, Тверской, Тульской областей от спроса в Москве [Комков, Колесников, 2023].

В-пятых, влияние проявляется в институциональном измерении.

Столичные стандарты, регуляторные нормы, административные практики часто становятся ориентиром для прилегающих регионов. Однако административные возможности этих регионов обычно ограничены, что приводит к несоответствию между нормативными ожиданиями и реальными ресурсами, усиливая управленческие диспропорции [Полезжаев, 2023].

С позиций макрорегионального анализа Московская агломерация является ядром Центрального макрорегиона, определяя особенности пространственного развития соседних субъектов. Минакир и Анимица подчёркивают, что современные макрорегионы России представляют собой устойчивые функциональные зоны, где столичные центры играют роль системообразующих элементов [Минакир, Анимица, 2022].

В случае Московской агломерации её влияние выходит далеко за пределы административных границ и распространяется на экономику, социальную сферу, рынок труда, инновационную среду и транспортную инфраструктуру региона в целом. Поэтому анализ межрегиональных диспропорций невозможен без учёта её динамики, масштабов и механизмов воздействия.

Московская агломерация выступает крупнейшим полюсом роста современной России, аккумулирующим ключевые экономические, инновационные, финансовые и транспортные функции. Масштабы её влияния выходят за рамки городской территории и охватывают значительную часть ЦФО, формируя устойчивые межрегиональные потоки и зависимости. Именно это делает её главным фактором пространственной асимметрии и ключевым объектом исследования в контексте формирования межрегиональных диспропорций.

Влияние столичных агломераций на территориальное развитие имеет комплексный характер и реализуется через совокупность экономических, демографических, институциональных и инфраструктурных механизмов. Московская агломерация, являясь крупнейшим центром концентрации капитала, населения и инноваций, оказывает многоканальное воздействие на соседние регионы Центрального федерального округа. Ниже представлены ключевые каналы, через которые формируются устойчивые межрегиональные различия.

Один из наиболее значимых каналов формирования диспропорций — неравномерное развитие транспортной и инженерной инфраструктуры. Московская агломерация является крупнейшим транспортным узлом страны: через неё проходят федеральные магистрали М-1, М-3, М-4, М-7, радиальные железнодорожные направления, рекреационно-пересадочные узлы МЦК и МЦД, а также три международных аэропорта.

Согласно Транспортной стратегии РФ, до 40 % грузовых и пассажирских потоков европейской части страны концентрируются на московском транспортном узле [Минакир, Анимца, 2022]. В результате создаётся значительный разрыв между столичным регионом, обладающим высокой транспортной доступностью, и соседними субъектами ЦФО, для которых характерна более низкая плотность дорожной сети, недостаток современных логистических центров и дефицит транспортных инвестиций.

Транспортная связанность непосредственно влияет на экономическое развитие: регионы с лучшей инфраструктурой демонстрируют более высокие темпы роста, более развитые рынки труда и больший приток инвестиций. В то же время слабая связанность периферийных субъектов ведёт к росту логистических издержек, снижению конкурентоспособности местных предприятий и сокращению их участия в межрегиональных цепочках добавленной стоимости [Комков, Колесников, 2023; Росстат, 2024].

Московская агломерация является главным центром притяжения инвестиционных ресурсов России. По данным НИУ ВШЭ, около 45 % всех частных инвестиций и более 30 % иностранных инвестиций ежегодно направляются в Москву и Московскую область [Комков, Колесников, 2023]. При этом соседние регионы получают ограниченные объёмы капитала, что снижает их способность развивать инфраструктуру, модернизировать производственные мощности и формировать инновационную экономику.

Высокая инвестиционная привлекательность агломерации объясняется несколькими факторами:

- высокой ёмкостью потребительского рынка;
- концентрацией корпоративных штаб-квартир;
- наличием развитого финансового сектора;
- крупными государственными программами развития;
- инновационной инфраструктурой (технопарки, IT-кластеры, НИОКР-центры).

Эти преимущества обеспечивают агломерации устойчивую конкурентоспособность, однако одновременно создают эффект «инвестиционной тени»: частные и государственные инвесторы предпочитают концентрировать средства в ядре, а не в периферии. Это приводит к закреплению структурной слабости соседних регионов и препятствует их экономическому росту [Михеева, 2024; Анимца, Силин, 2023].

Московская агломерация формирует основные точки спроса и координации межрегиональных производственных цепочек. Исследования Комкова и Колесникова показывают, что более 40 % промышленной кооперации ЦФО ориентировано на московский рынок, особенно в таких отраслях, как производство автокомпонентов, фармацевтика, пищевая промышленность и машиностроение [Комков, Колесников, 2023].

Зависимость от московского спроса имеет двойственный характер:

- положительный эффект: предприятия получают гарантированный рынок сбыта, интегрируются в высокодоходные цепочки;
- негативный эффект: региональная экономика становится зависимой от динамики делового цикла в столице.

Например, Владимирская и Калужская области демонстрируют высокие показатели промышленного роста в периоды расширения столичного спроса, но при замедлении активности в Москве темпы их развития резко падают [Селиверстов, 2022].

Кроме того, ориентация на московские цепочки снижает вероятность формирования

собственных региональных кластеров, что ограничивает конкурентоспособность и инновационную самостоятельность периферии.

Перемещение трудоспособного населения — один из наиболее значимых механизмов формирования территориальной асимметрии. Москва и Московская область ежегодно привлекают крупные потоки внутренней миграции: по данным Росстата, в 2020–2024 гг. совокупный прирост населения Московской агломерации составлял от 150 до 220 тыс. человек в год, тогда как многие соседние регионы демонстрировали отрицательный миграционный баланс [Росстат, 2024].

Даже более значимым является эффект маятниковой миграции. Ежедневно между Москвой и городами Московской области перемещается около 2, 5 млн человек, а в отдельных направлениях фиксируется рост на 10–12 % ежегодно. Из Тверской, Владимирской, Тульской и Рязанской областей в Москву на работу приезжают десятки тысяч работников.

Такое концентрационное движение приводит к ряду последствий:

- отток квалифицированной рабочей силы снижает человеческий капитал периферии;
- рост зарплатных различий стимулирует дальнейшую миграцию;
- старение населения регионов усиливает демографическую нагрузку;
- усиление центростремительных потоков формирует зависимость регионов от столичного рынка труда [Михеева, 2024; UN-Habitat, 2022].

Эти процессы прямо фиксируются в международных исследованиях UN-Habitat, где отмечается, что мегаполисы формируют «воронку человеческого капитала», поглощая наиболее продуктивные возрастные группы [UN-Habitat, 2022].

Институциональные факторы — менее очевидный, но крайне важный канал формирования диспропорций. Москва обладает уникальным уровнем административной, финансовой и экспертной обеспеченности, что делает её значительно более эффективной в реализации государственных программ, управлении проектами, развитии инфраструктуры и привлечении инвесторов [Полезжаев, 2023].

Соседние регионы, напротив, характеризуются:

- меньшей финансовой устойчивостью;
- слабой проектной компетентностью;
- нехваткой кадров публичного управления;
- меньшей способностью привлекать крупный бизнес и федеральные средства.

Кроме того, многие программы развития формируются на национальном уровне без достаточной межрегиональной координации, что приводит к несоответствию между целями и реальными возможностями регионов ЦФО.

ОЕСД подчёркивает, что в отсутствии механизмов metropolitan governance крупные агломерации усиливают институциональный разрыв между ядром и периферией, приводя к росту пространственного неравенства [ОЕСД, 2022].

Таким образом, Московская агломерация формирует межрегиональные диспропорции по пяти ключевым каналам: инфраструктурному, инвестиционному, производственному, миграционному и институциональному. Совокупное действие этих факторов создаёт устойчивую модель центр-периферийного устройства, в которой динамика соседних регионов определяется развитием столичного ядра, а снижение неравенства требует системных мер межрегиональной координации.

Воздействие Московской агломерации на прилегающие территории проявляется не только

в абстрактных моделях или статистических тенденциях, но и в конкретных практических изменениях, затрагивающих структуру занятости, инвестиционную активность, транспортную связанность, промышленное производство и качество человеческого капитала. Ниже представлены ключевые эмпирические направления, подтверждающие масштабы и глубину влияния столичного ядра на субъекты Центрального федерального округа.

Московская агломерация формирует крупнейший в России рынок труда, что оказывает прямое влияние на занятость в соседних регионах. По данным Росстата, в 2022–2024 гг. доля жителей Московской области, регулярно работающих в Москве, достигала 32–35 %, а маятниковый миграционный поток составил около 2,5 млн человек в день [Росстат, 2024].

Для соседних регионов (Тверской, Калужской, Владимирской, Тульской) характерны:

- масштабный отток рабочей силы, особенно среди молодёжи и квалифицированных специалистов;
- перекося профессиональной структуры, при котором растёт доля низкоквалифицированных работников в промышленности и строительстве, в то время как высококвалифицированные кадры уходят в столичный сектор услуг;
- рост ежедневной трудовой мобильности, что повышает нагрузку на транспортную инфраструктуру и снижает социальную устойчивость территорий [Росстат, 2024; UN-Habitat, 2022].

Данные UN-Habitat показывают, что мегаполисы с высокой экономической привлекательностью создают долгосрочный эффект «поглощения человеческого капитала», что приводит к депопуляции периферийных регионов [UN-Habitat, 2022]. Российская ситуация полностью соответствует этим выводам.

Инвестиционная активность также демонстрирует ярко выраженные различия. В 2020–2024 гг. более 27 % всех инвестиций в основной капитал приходилось на Москву и Московскую область, тогда как совокупный объём инвестиций в Тверской, Владимирской, Тульской и Рязанской областях не превышал 6–7 % [Михеева, 2024].

Столичный регион:

- является крупнейшим получателем федеральных инфраструктурных субсидий;
- обладает максимально развитой инвестиционной экосистемой;
- концентрирует большую часть частного капитала, включая венчурные средства и корпоративные инвестиции;
- имеет развитый рынок девелопмента, логистики и инноваций.

В результате формируется **инвестиционный разрыв**, который приводит к:

- замедлению модернизации промышленных мощностей периферии;
- снижению конкурентоспособности регионального бизнеса;
- невозможности формирования собственных инновационных кластеров в областях ЦФО [Комков, Колесников, 2023; Кистанов, 2023].

Аналитические исследования OECD подтверждают, что мегаполисы в странах с высокой пространственной дифференциацией усиливают концентрацию инвестиций, если отсутствуют механизмы межрегионального выравнивания [OECD, 2022].

Московская агломерация играет центральную роль в формировании межрегиональных производственных цепочек. Исследования Комкова и Колесникова выявили, что более 40 % кооперационных связей предприятий ЦФО ориентированы на спрос московского рынка [Комков, Колесников, 2023].

Практические примеры:

- Калужская область — автопром и фармацевтика, поставляющие продукцию в московские распределительные сети;
- Владимирская область — производство электротехнической продукции, ориентированное на столичный строительный рынок;
- Тульская область — машиностроение и химическая промышленность, значительная часть заказов которых формируется через московские холдинги;
- Рязанская область — пищевая промышленность, работающая через московские дистрибьюторские центры.

Положительный эффект таких связей заключается в гарантированном спросе и устойчивых контрактах. Однако существует и **негативная сторона**:

- зависимость регионального производства от столичной деловой активности;
- уязвимость к экономическим колебаниям в Москве;
- торможение развития самостоятельных отраслевых кластеров в регионах.

Исследования Fujita & Mori подтверждают, что крупные агломерации формируют структуру «односторонней зависимости» периферии, когда инновации, финансы и управленческие центры локализованы в ядре [Fujita, Mori, 2005].

Современные инфраструктурные проекты — МЦД, МЦК, ЦКАД, реконструкция федеральных трасс и развитие высокоскоростных коридоров — усиливают интеграцию Московской агломерации с соседними регионами.

С одной стороны, это приводит к:

- росту деловой активности;
- развитию логистики;
- появлению рабочих мест на территории областей;
- повышению территориальной мобильности населения.

С другой стороны, усиливается **транспортная зависимость** периферии от ядра:

- высокая плотность автомобильных и железнодорожных потоков блокирует альтернативные направления развития;
- сосредоточение логистических узлов в Москве уменьшает роль региональных транспортных центров;
- соседние субъекты становятся транзитными территориями без создания собственных точек роста [Минакир, Анимица, 2022].

World Bank отмечает, что подобная транспортная модель характерна для «радиальных мегаполисов», где инфраструктура исторически формировалась вокруг одного доминирующего центра [World Bank, 2021].

Различия в уровне социального развития между Москвой и соседними регионами формируются через:

- доступность медицинских услуг;
- качество образования;
- уровень доходов;
- развитие городской среды;
- плотность культурной и деловой инфраструктуры.

Москва стабильно входит в число регионов-лидеров по качеству жизни, тогда как многие субъекты ЦФО занимают 40–70 места в национальных рейтингах [Росстат, 2024].

Практические последствия:

- рост социальной мобильности в сторону столицы;
- снижение привлекательности проживания в периферии;
- усиление диспропорций в доступе к инфраструктуре и человеческому капиталу;
- формирование долгосрочной центростремительной модели расселения.

Практическое влияние Московской агломерации на соседние территории проявляется во всех ключевых сферах: занятости, миграции, инвестициях, промышленной кооперации, инфраструктуре и социальной сфере. Наблюдаемые процессы подтверждают наличие устойчивой центр-периферийной модели, в которой развитие регионов ЦФО в значительной степени определяется динамикой и стратегическими решениями столичного ядра.

Наращение социально-экономической дифференциации между субъектами России, значительная часть которой обусловлена влиянием столичных агломераций, требует формирования комплексной региональной политики, ориентированной на согласованное развитие ядра и периферии. Международный опыт (OECD, World Bank, ESPON) показывает, что успешное снижение пространственной асимметрии достигается за счёт сочетания инфраструктурных, институциональных, инвестиционных и управленческих решений, направленных на развитие многополярной модели роста [OECD, 2022; UN-Habitat, 2022; World Bank, 2021]. В российской практике этот вектор становится одним из приоритетных направлений государственной региональной политики, что отражено в стратегических документах и научной литературе [Михеева, 2024; Полезнаев, 2023; Селиверстов, 2022].

Одним из ключевых направлений является развитие инструментов metropolitan governance — механизмов совместного управления агломерацией и прилегающими территориями. Международная практика показывает, что создание координационных советов, межрегиональных проектных офисов, совместных бюджетных программ и централизованного планирования транспортной инфраструктуры позволяет снижать институциональный разрыв между ядром и периферией [OECD, 2022; UN-Habitat, 2022].

Для Московской агломерации возможны следующие меры:

- создание межрегионального координационного совета, объединяющего Москву, Московскую область, Тверскую, Владимирскую, Калужскую, Тульскую и Рязанскую области;
- разработка согласованных стратегий пространственного развития, включающих единые цели, индикаторы и механизмы реализации;
- институциональные соглашения о совместном финансировании инфраструктурных проектов;
- формирование единой аналитической системы мониторинга миграции, занятости, производственных цепочек и транспортных потоков.

Исследования Селиверстова и Анимцы показывают, что институциональная координация является ключевым фактором устойчивого развития макрорегионов, особенно в условиях высокой пространственной концентрации экономики [Селиверстов, 2022].

Для снижения инвестиционного неравенства необходимо создавать условия, при которых развитие регионов-периферий становится экономически привлекательным. Возможные инструменты:

- налоговые и финансовые стимулы (снижение ставки по налогу на прибыль, ускоренная амортизация, гранты на НИОКР);
- создание зон опережающего развития в крупных городах соседних регионов (Тверь,

Владимир, Калуга, Тула, Рязань);

- поддержка формирования региональных инновационных кластеров, ориентированных на собственные конкурентные преимущества;
- программа «Инвестиционный капитал для периферии», предполагающая софинансирование инфраструктурных проектов частным бизнесом и государством;
- поддержка малого и среднего бизнеса, сниженной кредитной ставкой и субсидиями на цифровизацию.

Исследования OECD и отечественных экономистов (Кузнецова, Минакир, Аганбегян) показывают, что только параллельное развитие региональных центров роста способно смягчить зависимость периферий от столичных мегаполисов [OECD, 2022; Кузнецова, 2022; Полезжаев, 2023].

Снижение инфраструктурной асимметрии требует перехода от радиально-столичной модели к **сетевой модели пространственной связанности**. Для этого необходимы:

- строительство скоростных железнодорожных линий «Москва—Тверь», «Москва—Калуга», «Москва—Рязань» с продолжением до областных центров;
- модернизация автодорожных коридоров, соединяющих соседние регионы в обход Москвы;
- создание региональных логистических хабов (Тверь, Калуга, Владимир, Тула);
- развитие цифровой инфраструктуры, включающей дата-центры, облачные платформы, сети 5G и цифровые сервисы госуправления.

Международные данные World Bank подтверждают, что диверсификация транспортных потоков снижает зависимость регионов от мегаполисов и увеличивает устойчивость экономики [World Bank, 2021].

Перераспределение человеческого капитала — один из ключевых факторов межрегиональной асимметрии. Для смягчения негативных эффектов возможны следующие меры:

- создание образовательных кампусов и научных центров в Твери, Владимире, Рязани, Калуге и Туле;
- стимулирование высокопроизводительных рабочих мест через налоговые льготы и программу субсидирования заработных плат;
- развитие дистанционных форм занятости, особенно в IT-секторе и креативной экономике;
- программы поддержки молодых специалистов, включающие жилищные сертификаты, гранты и кадровые лифты.

UN-Habitat подчёркивает, что развитие «локальных центров притяжения» является одним из самых эффективных инструментов уменьшения миграционного оттока из периферийных регионов [UN-Habitat, 2022].

Для уменьшения односторонней зависимости региональных предприятий от Москвы необходимы:

- диверсификация рынков сбыта за счёт создания межрегиональных торгово-логистических коридоров;
- поддержка экспортоориентированных кластеров (машиностроение, фармацевтика, химия);
- развитие межрегиональных ярмарок, бирж и контрактных площадок, не привязанных к

столичному рынку;

- государственные закупки с квотами на продукцию региональных производителей;
- развитие межрегиональных индустриальных парков, где предприятия ориентируются на многосторонние производственные цепочки.

Fujita и Mori подчёркивают, что пространственная диверсификация экономической активности снижает уязвимость регионов перед доминирующими центрами роста [Fujita, Mori, 2005].

Долгосрочной целью является переход от «столицецентричной» модели к **многополярной структуре**, в которой несколько крупных узлов роста влияют на периферию. В российском контексте такими полюсами могут выступать:

- Санкт-Петербургская агломерация;
- Екатеринбургская полицентрическая зона;
- агломерации Казани, Новосибирска, Краснодара, Самары;
- межрегиональные кластеры Южного, Сибирского и Уральского макрорегионов.

Минакир и Анимица подчеркивают, что многополярная модель повышает устойчивость национальной экономики и снижает риски пространственной концентрации [Кузнецова, 2022; Лавровский, Мокин, 2024].

Снижение межрегиональных диспропорций требует системной политики, включающей институциональную координацию, инфраструктурное выравнивание, инвестиционную поддержку периферийных центров, развитие человеческого капитала и диверсификацию производственных цепочек. Реализация этих мер позволит уменьшить зависимость соседних субъектов от Московской агломерации и сформировать более устойчивую модель пространственного развития России.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует, что столичные агломерации — и прежде всего Московская агломерация — играют ключевую роль в формировании пространственной структуры российской экономики. Будучи крупнейшим центром концентрации человеческого капитала, финансовых потоков, инновационной активности и управленческих функций, Московская агломерация оказывает многостороннее влияние на прилегающие регионы Центрального федерального округа.

Исследование выявило пять основных каналов формирования межрегиональных социально-экономических диспропорций: инфраструктурный, инвестиционный, производственный, миграционный и институциональный. В их совокупности эти факторы создают устойчивую модель центр-периферийного развития, при которой соседние субъекты ЦФО оказываются тесно интегрированы в экономическое, транспортное и социальное пространство столицы, но при этом утрачивают способность формировать самостоятельные точки роста.

Практический анализ показал, что влияние столичного ядра проявляется в конкретных процессах: усилении маятниковой миграции, концентрации инвестиционного капитала, зависимости регионального производства от московского спроса, формировании транспортных коридоров, ориентированных на столицу, и в значительных различиях качества жизни. Эти процессы имеют кумулятивный характер, что способствует долгосрочной фиксации межрегиональных различий.

Стратегии смягчения пространственной асимметрии включают развитие механизмов межрегиональной координации, формирование инвестиционных стимулов для периферийных

центров роста, структурное развитие региональной промышленности, создание транспортно-логистических сетей межрегионального уровня и институциональное укрепление регионального управления. Международный опыт демонстрирует, что такие меры приводят к снижению зависимости от одного мегаполиса и формированию многополярной модели пространственного развития.

Таким образом, исследование подтверждает необходимость комплексной региональной политики, направленной на согласованное развитие Московской агломерации и прилегающих субъектов Российской Федерации. Создание условий для развития региональных центров роста, укрепление инфраструктурной связности, диверсификация производственных цепочек и институциональная координация позволят обеспечить более устойчивую и сбалансированную траекторию пространственного развития России.

Библиография

1. Алёшина И. В. Транспортная связанность регионов ЦФО: вызовы и решения // Региональная экономика: теория и практика. – 2023. – № 12. – С. 40–55.
2. Анализ новой стратегии пространственного развития России // Экономическая политика. – 2023. – № 6. – С. 112–130.
3. Анимиа Е. Г., Силин Я. П. Межрегиональная кооперация в современной российской экономике // Экономика региона. – 2023. – № 2. – С. 101–118.
4. Антонов Е. В. Агломерационная структура городских систем России // Известия РАН. Серия географическая. – 2022. – № 4. – С. 15–29.
5. Горюнова А. В. Социальная мобильность в мегаполисах: российская специфика // Социологические исследования. – 2023. – № 8. – С. 68–81.
6. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2020. – 496 с.
7. Дружинин А. Г. Агломерационные процессы и региональное развитие России // Региональные исследования. – 2023. – № 2. – С. 12–28.
8. Калинина Н. Г. Человеческий капитал и региональное неравенство в России // Экономика труда. – 2024. – № 2. – С. 73–94.
9. Кистанов В. В. Пространственное развитие и неравномерность экономики РФ // Региональная экономика. – 2023. – № 5. – С. 22–38.
10. Комков Н. И., Колесников А. К. Межрегиональные производственные цепочки в России // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4. – С. 103–120.
11. Кузнецова О. В. Трансформация пространственной структуры российской экономики // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12. – P. 351–365.
12. Лавровский Б. Л., Мокин А. С. Межрегиональные связи макрорегионов России // Экономика и управление. – 2024. – № 3. – С. 22–36.
13. Минакир П. А., Анимиа Е. Г. Макрорегионы в социально-экономическом пространстве России // Экономика региона. – 2022. – Т. 18. – № 3. – С. 724–741.
14. Минакир П. А. Пространственные эффекты трансформации российской экономики // Пространственная экономика. – 2022. – № 4. – С. 5–27.
15. Михеева Н. Н. Региональная дифференциация в условиях структурных изменений экономики России // Регион: экономика и социология. – 2024. – № 1. – С. 5–32.
16. Новые лидеры экономического роста: российские регионы в 2022–2023 годах // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 4. – С. 89–105.
17. Полезжаев К. Е. Макрорегиональный анализ социально-экономического развития РФ // Региональная экономика. – 2023. – № 5. – С. 22–38.
18. Росстат. Миграция населения Российской Федерации: статистический сборник. – М., 2024. – 210 с.
19. Селиверстов Д. В. Институциональные механизмы межрегиональной координации // Управленческие науки. – 2022. – № 3. – С. 41–55.
20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.
21. Acharya P. Metropolitan Governance Models in OECD Countries // Urban Studies. – 2021. – Vol. 58. – P. 1645–1663.
22. ESPON. Metropolitan Regions in Europe: Governance and Development. – Luxembourg, 2020. – 182 p.
23. Fujita M., Mori T. Frontiers of the New Economic Geography // Regional Science. – 2005. – Vol. 84. – P. 367–387.

24. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. – 1991. – Vol. 99. – P. 483–499.
25. Kuznetsova O. Spatial Dynamics of Post-Transition Economies // *Post-Communist Economies*. – 2021. – Vol. 33. – P. 245–265.
26. OECD. Metropolitan Governance: Strategies for Balanced Regional Development. – Paris: OECD Publishing, 2022. – 148 p.
27. UN-Habitat. Global State of Urbanization Report. – Geneva, 2022. – 236 p.
28. World Bank. Regional Development and Economic Geography in Eastern Europe. – Washington, 2021. – 310 p.
29. World Bank. Russia Economic Report: Spatial Inequality and Regional Development. – Washington, 2023. – 112 p.

The Role of Capital Agglomerations in the Formation of Interregional Disparities in Contemporary Russia

Artur A. Balikhin

Postgraduate Student,
Moscow Polytechnic University,
107023, 38, Bolshaya Semenovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: balikhin@mail.ru

Abstract

The article examines the role of capital agglomerations in the formation of interregional socio-economic disparities in contemporary Russia. The conceptual framework related to agglomeration effects, spatial concentration, and mechanisms of center-periphery interaction is clarified. Based on an analysis of classical theories of growth poles (F. Perroux, J.-R. Boudeville), approaches of new economic geography (P. Krugman, M. Fujita, T. Mori), as well as contemporary research of the Russian regional school (A.G. Granberg, P.A. Minakir, E.G. Animitsa, O.V. Kuznetsova), the theoretical foundations of the influence of capital agglomerations on territorial development are revealed. Central attention is paid to the Moscow agglomeration as the largest economic, financial, innovative, and managerial core, exerting a systemic impact on neighboring regions and forming persistent differences in the level of socio-economic development. The work identifies key channels for the formation of disparities: infrastructure asymmetry, concentration of investments and human capital, redistribution of migration flows, dependence of adjacent regions on capital markets, as well as institutional differences in regional policy. Based on statistical data for 2020–2024, analytical reports from HSE University, Rosstat, OECD, UN-Habitat, and ESPON, real manifestations of the influence of the Moscow agglomeration on the subjects of the Central Federal District are analyzed. Proposals for improving regional economic policy are formulated, aimed at reducing spatial polarization and enhancing the coherence of development strategies on a macro-regional scale.

For citation

Balikhin A.A. (2025) Rol' stolichnykh aglomeratsiy v formirovanii mezhregional'nykh disproportsiy sovremennoy Rossii [The Role of Capital Agglomerations in the Formation of Interregional Disparities in Contemporary Russia]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 15 (12A), pp. 37-52. DOI: 10.34670/AR.2026.92.85.003

Keywords

Capital agglomeration, Moscow agglomeration, interregional disparities, spatial concentration, regional policy, macro-region, new economic geography, territorial development, economic inequality.

References

1. Alesina, I. V. (2023). Transportnaia svyazannost' regionov TsFO: vyzovy i resheniia [Transport Connectivity of the Central Federal District Regions: Challenges and Solutions]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika*, 12, 40–55.
2. Acharya, P. (2021). Metropolitan Governance Models in OECD Countries. *Urban Studies*, 58, 1645–1663.
3. Analiz novoi strategii prostranstvennogo razvitiia Rossii [Analysis of the New Spatial Development Strategy of Russia]. (2023). *Ekonomicheskaiia politika*, 6, 112–130.
4. Animitsa, E. G., & Silin, Ia. P. (2023). Mezhregional'naia kooperatsiia v sovremennoi rossiiskoi ekonomike [Interregional Cooperation in the Modern Russian Economy]. *Ekonomika regiona*, 2, 101–118.
5. Antonov, E. V. (2022). Aglomeratsionnaia struktura gorodskikh sistem Rossii [Agglomeration Structure of Russian Urban Systems]. *Izvestiia RAN. Seriiia geograficheskaiia*, 4, 15–29.
6. Druzhinin, A. G. (2023). Aglomeratsionnye protsessy i regional'noe razvitiie Rossii [Agglomeration Processes and Regional Development of Russia]. *Regional'nye issledovaniia*, 2, 12–28.
7. ESPON. (2020). Metropolitan Regions in Europe: Governance and Development. Luxembourg.
8. Fujita, M., & Mori, T. (2005). Frontiers of the New Economic Geography. *Regional Science*, 84, 367–387.
9. Goriunova, A. V. (2023). Sotsial'naia mobil'nost' v megapolisakh: rossiiskaia spetsifika [Social Mobility in Megacities: Russian Specifics]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 8, 68–81.
10. Granberg, A. G. (2020). Osnovy regional'noi ekonomiki [Fundamentals of Regional Economy]. GU VShE.
11. Kalina, N. G. (2024). Chelovecheskii kapital i regional'noe neravenstvo v Rossii [Human Capital and Regional Inequality in Russia]. *Ekonomika truda*, 2, 73–94.
12. Kistakov, V. V. (2023). Prostranstvennoe razvitiie i neravnomernost' ekonomiki RF [Spatial Development and Asymmetry of the Russian Economy]. *Regional'naia ekonomika*, 5, 22–38.
13. Komkov, N. I., & Kolesnikov, A. K. (2023). Mezhregional'nye proizvodstvennye tseppochki v Rossii [Interregional Production Chains in Russia]. *Problemy prognozirovaniia*, 4, 103–120.
14. Krugman, P. (1991). Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499.
15. Kuznetsova, O. V. (2022). Transformatsiia prostranstvennoi struktury rossiiskoi ekonomiki [Transformation of the Spatial Structure of the Russian Economy]. *Regional Research of Russia*, 12, 351–365.
16. Kuznetsova, O. (2021). Spatial Dynamics of Post-Transition Economies. *Post-Communist Economies*, 33(2), 245–265.
17. Lavrovskii, B. L., & Mokhin, A. S. (2024). Mezhregional'nye svyazi makroregionov Rossii [Interregional Links of Russian Macroeconomies]. *Ekonomika i upravlenie*, 3, 22–36.
18. Minakir, P. A., & Animitsa, E. G. (2022). Makroregiony v sotsial'no-ekonomicheskom prostranstve Rossii [Macroeconomies in the Socio-Economic Space of Russia]. *Ekonomika regiona*, 18(3), 724–741.
19. Minakir, P. A. (2022). Prostranstvennye efekty transformatsii rossiiskoi ekonomiki [Spatial Effects of the Russian Economy's Transformation]. *Prostranstvennaia ekonomika*, 4, 5–27.
20. Mikheeva, N. N. (2024). Regional'naia differentsiatsiia v usloviakh strukturnykh izmenenii ekonomiki Rossii [Regional Differentiation under Structural Changes in the Russian Economy]. *Region: ekonomika i sotsiologiia*, 1, 5–32.
21. Novye lidery ekonomicheskogo rosta: rossiiskie regiony v 2022–2023 godakh [New Leaders of Economic Growth: Russian Regions in 2022–2023]. (2023). *Ekonomicheskoe vozrozhdeniie Rossii*, 4, 89–105.
22. OECD. (2022). Metropolitan Governance: Strategies for Balanced Regional Development. OECD Publishing.
23. Polezhaev, K. E. (2023). Makroregional'nyi analiz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia RF [Macroeconomical Analysis of the Socio-Economic Development of the Russian Federation]. *Regional'naia ekonomika*, 5, 22–38.
24. Rosstat. (2024). Migratsiia naseleniia Rossiiskoi Federatsii: statisticheskii sbornik [Migration of the Population of the Russian Federation: Statistical Collection].
25. Seliverstov, D. V. (2022). Institutsional'nye mekhanizmy mezhregional'noi koordinatsii [Institutional Mechanisms of Interregional Coordination]. *Upravlencheskie nauki*, 3, 41–55.
26. Strategiia prostranstvennogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda [Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period until 2030]. (2019). Approved by the Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r dated 13.02.2019.
27. UN-Habitat. (2022). Global State of Urbanization Report.
28. World Bank. (2021). Regional Development and Economic Geography in Eastern Europe.
29. World Bank. (2023). Russia Economic Report: Spatial Inequality and Regional Development.